

**«ДО СИХ ПОР МЫ ВСЕ-ТАКИ ПЛОХО ЗНАЕМ, ЧЕМ ДЫШИТ
КАЗАЧЕСТВО...». ИЗУЧЕНИЕ НАСТРОЕНИЙ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИМИ СТРУКТУРАМИ В СЕРЕДИНЕ 1920-х ГОДОВ¹**

Рвачева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
Российская Федерация, 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8
E-mail: olgarvacheva@mail.ru

В середине 1920-х гг., после начала в СССР политического курса «лицом к крестьянству» начинаются изменения и во взаимоотношениях между властью и такой специфической социальной группой, как казачество. В 1920-х гг. донское казачество, несмотря на военно-политические и социальные катаклизмы, изменение социального статуса и ухудшение социально-экономического положения, все еще представляло собой сплоченную социальную группу с настроением и поведением которой власти не могли не считаться. Сохранившиеся до середины 1920-х гг. закрытость, недоверие и даже враждебность казаков, обусловленные в том числе опасением новых репрессий, вынуждали партийно-советское руководство искать подходы к примирению с этой группой населения, чтобы привлечь их на свою сторону, вовлечь в процессы советского строительства. С этой целью партийно-советское руководство начало изучение социально-политических настроений казаков на предмет оценки возможностей их изменений, превращения казачества в лояльную к новому режиму социальную группу. Оценка факторов и условий, влиявших на эти настроения, формы и остроты их проявления позволяла власти разработать меры по интеграции казаков в систему советских социально-политических отношений. Статья посвящена исследованию мероприятий власти по изучению социально-политических настроений донского казачества, а также определению основных направлений развития этих настроений.

Ключевые слова: власть, донское казачество, политические и хозяйственные факторы, социально-политические настроения, советское строительство, реакция казаков

**“STILLWEAREMUCHIGNORANTABOUTTHECOSSACKS’
MOOD”.SURVEYOFTHEDONCOSSACKS’ ATTITUDESBY
THE PARTY AND GOVERNMENT ORGANS IN THE MID-1920⁵**

Rvacheva Olga V., Ph.D. (History), Assistant Professor
Volograd Institute of Management, Branch of RANEPА
8 Gagarin Str., Volgograd, 400131, Russian Federation
E-mail: olgarvacheva@mail.ru

In the mid 1920s after the launch of the “face to the peasantry” policy in the USSR changes came in the relationships between the authorities and such a specific social group as the Cossacks. In the 1920s the Don Cossacks still were a solidary social group to be counted with. That was in spite of the military, political and social turmoil, the change in social status and worsening of the welfare state. Up to the mid 1920s the Cossacks were reserved, distrustful, and even hostile due to the fear of new repressions. This forced the Party and Soviet authorities to search the ways to reconcile with the Cossacks in order to draw them to the processes of Soviet state organization. For that reason the Party and Soviet authorities started surveying the Cossacks’ social and political attitudes to devise the ways of turning the Cossacks into a loyal social group. Establishment of actors and conditions that affected the Cossacks’ attitudes let the authorities devise measures on integration of the Cossacks into the Soviet system of social and political relations. The article covers the authority measures on surveying the social and political attitudes of the Don Cossacks as well as the main ways of modification of those attitudes.

Keywords: authorities, Don Cossacks, political and economic factors, social and political attitudes, Soviet organization, response from the Cossacks

¹Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 16-11-34003 «Социально-политические настроения донского казачества в период советской модернизации 1920–1940 гг.» (The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 16-11-34003 "Socio-political sentiments of the Don Cossacks during the Soviet modernization of 1920–1940").

Методологические подходы к исследованию феномена социальных настроений позволяют говорить о том, что данные настроения отражают преобладающее состояние сознания социальной группы в тот или иной период времени. Являясь «продуктом духовного освоения окружающей действительности», социальные настроения отражают коренные интересы и целеполагание социальных групп [13, с. 30]. Таким образом, изучение социально-политических настроений казачества в середине 1920-х гг. в период развернувшейся новой экономической политики позволяло власти не только определять их характер и специфику, но и через меры воздействия трансформировать эти настроения в нужном направлении.

Целью статьи является анализ мероприятий власти по исследованию социально-политических настроений донского казачества, а также выявление ключевых элементов социальной действительности, влиявших на развитие этих настроений.

Оценка историками причин, побудивших партийно-советское руководство начать процесс активного привлечения казаков к советскому строительству, в основном сосредоточены в плоскости хозяйственных и военно-политических задач власти в середине 1920-х гг. Так, Я.А. Перехов отмечал, что именно в середине 1920-х гг. власть всерьез озаботилась укреплением геополитических позиций советского государства в кавказском регионе, чем и было продиктовано стремлением привлечь на свою сторону казачество [9, с. 74]. Об этом же говорят А.П. Скорик и Р.Г. Тикиджьян, отмечая приграничное расположение бывших казачьих войск на Юге России, в результате чего «степень доверия казачества к советской власти определяла здесь прочность тыла» [12, с. 89]. Кроме этого казацкие территории Юга России являлись зерновыми и в целом сельскохозяйственными районами страны. Н.Ф. Бугай обращает внимание прежде всего на задачи социальной нивелировки казаков, но чтобы изменить менталитет казаков, власти необходимо было привлечь их во что бы то ни стало на свою сторону [3, с. 44]. С.А. Кислицын в реализации политики «лицом к казачеству» видит прежде всего необходимость расширения социальной базы советской власти, а также укрепление рыночного союза рабочего класса и крестьянства [6, с. 261, 278]. Об этом же говорит А.В. Баранов. Обращая внимание на вынужденный характер НЭПа, в казачьих областях Юга России политика «лицом к казачеству», реализуемая в рамках НЭПа, должна была способствовать установлению доверительных отношений между властью и казачеством [1, с. 229].

Несмотря на множественность оценок причин реализации политики «лицом к казачеству», практически все специалисты едины во мнении, что эта политика во многом способствовала примирению казаков с властью. На практике это означало, что власти удалось правильно определить направление и меры воздействия на данную группу. Это привело к изменению социально-политического настроения казачьего населения.

Изучение и дальнейшее регулярное отслеживание настроения казачества являлось важной частью реализации политики «лицом к казачеству». Тщательный анализ его позволял власти своевременно реагировать на изменения социально-политической обстановки в регионах. Как отмечает Я.А. Перехов, с 1924 г. казачья проблема в течение двух лет не сходила с повестки дня партийных и советских органов на Юге России [9, с. 83]. Наряду с определением форм и методов привлечения казаков к процессу советского строительства власти проводили регулярный мониторинг настроений сельского населения, обращая особое внимание на территории проживания казачества (в партийно-советских документах по Царицынской губернии, содержащих интересующую нас информацию, постоянно подчеркивалось своеобразие губернии, разделенной на казачьи и неказачьи округа).

Глобальное исследование различных сторон жизни казаков началось осенью 1924 г. Общий сбор данных о положении донского, кубанского, терского и оренбургского казачества, а также анализ поступающей информации для представления ре-

зультатов на пленуме ЦК РКП(б) осуществляла казачья комиссия при Всесоюзном совещании по работе в деревне при ЦК РКП(б). Помимо этого, на протяжении 1924–1926 гг. регулярный мониторинг казачьих настроений проводился в ходе работ беспартийных казачье-крестьянских конференций, сведения о настроениях казаков содержали отчеты волостных исполкомов казачьих округов, информационные отчеты станичных партийных ячеек. Информация суммировалась сначала на уровне окружных партийных и советских структур, а затем в виде докладов и отчетов предоставлялась в краевые и губернские органы власти. О важности для большевиков информации об интересах казачьего сообщества говорит тот факт, что во всех сводках и отчетах с мест были разделы, посвященные политическим настроениям казачества, отношениям к хозяйственным мероприятиям (налоги, землепользование), сословных конфликтах и пр.

На Юге России изучение настроений казаков и состояния их хозяйств реализовывали краевая (в Юго-Восточном крае) и губернская (в Царицынской губернии¹) казачьи комиссии. В Юго-Восточном крае каждая такая комиссия должна была обследовать 2–3 волости и 3–4 наиболее типичных населенных пункта [24, л. 8]. Из донских станиц Юго-Восточного края в зону обследования попали станицы Егорлыкская и Мечетинская. В Царицынской губернии казачьи комиссии в трех казачьих округах (2-м Донском, Усть-Медведицком и Хоперском) собирали материал по такому же принципу. Так, в Хоперском округе обследовались станицы Михайловская, Алексеевская и Новоанненская. В марте 1925 г. в Царицынский губернский комитет РКП(б) были присланы очерки о экономической, политической и бытовой жизни казаков в целом по округам [14].

Обследование казачьих округов предусматривало наряду с географическими и экономическими характеристиками (порядок землепользования, взимание налогов и пр.) анализ социального состава станиц и религиозных настроений казаков, влияние кулачества, взаимоотношение с иногородними, состояние культурно-образовательной сферы. Большое внимание уделялось особенностям исторического развития казачества, традициям семейного бытового уклада, а также участию казаков в Гражданской войне. Например, по казачьим округам назывались станицы, в которых большинство казаков выступили за белых или наоборот поддержали красных.

Большое внимание в 1924–1926 гг. власти уделяли работе беспартийных конференций, которые выступали своеобразным каналом «обратной связи» и «... проводились как проверка отношения к соввласти казачества» [16, л. 7а]. Важные сведения о настроениях (прежде всего политических) содержали отчеты о деятельности волостных исполкомов, собиравшие каждые три месяца информацию по следующим разделам: политическое состояние волости (это прежде всего отношение к Советам и партии, а также наличие политического бандитизма), хозяйственные вопросы (страхование, налоги, кооперация), взаимоотношения казаков и иногородних. По такому же плану собиралась информация в сводках партийных сельских ячеек.

Общий настрой донского казачества, то, как он был отражен в информационных сводках и отчетах органов власти, был противоречив. С одной стороны, сохранялось выжидательное отношение казаков ко всему, что происходило в окружающей их действительности. С другой – постепенно проявлялась и нарастала их политическая и социальная активность. Казачество, как и крестьянство в целом, медленно разворачивалось в сторону власти. Причиной этого являлась не только консервативность крестьянско-казачьего населения, но и абсентеизм сельского населения, обусловленный ситуацией экономического выживания, недоверием к сельсоветам, восприни-

¹В октябре 1924 г. Юго-Восточный край будет переименован в Северо-Кавказский, а в 1925 г. с переименованием Царицына в Сталинград Царицынская губерния станет Сталинградской.

мавшимися как организации вне крестьянской жизни [7]. У казаков к этому добавлялись опасения по поводу новых возможных репрессий.

Определенная недоверчивость и отстраненность казаков от власти даже характеризовалась иногда как «угрюмость» [12, с. 90]. Как отмечал в своем докладе 1924 г. инструктор ЦК Хатасевич, обследуя Царицынскую губернию и сравнивая настроение населения здесь с ситуацией в центральных губерниях страны: «как крестьяне, так и казаки в своей массе предпочитают больше молчать, ... тяги к общественному строительству... здесь заметно гораздо меньше» [20, л. 3]. На призывы власти на беспартийных конференциях высказываться откровенно казаки отвечали: «...говори откровенно, а потом арестуют и отправят в ГПУ», записки с вопросами, передаваемые казаками на конференциях, нередко просили уничтожить [16, л. 7а; 19, л. 386об.].

Вместе с тем, в информационных докладах партийных органов отмечался растущий интерес сельского, в том числе казачьего, населения к мероприятиям власти по налаживанию диалога с ним. В работе тех же самых беспартийных конференций крестьянско-казачье население принимало участие достаточно активно, интересовалось вопросами землеустройства, налогами, шло на конференции в надежде высказаться «потому что у них наболело», «некоторые ехали поругать власть и добиться смещения некоторых работников». В казачьих районах на конференциях присутствовало много зажиточных [16, л. 7а]. В подаваемых в ЦК РКП(б) секретарю Андрееву сведениях о политическом состоянии Царицынской губернии отмечалось: «политическое состояние губернии удовлетворительное, доверие со стороны крестьянства и казаков к РКП(б) и Соввласти большое...», казачество «совершенно...переродилось» [18, л. 270].

Материалы работы казачьих комиссий из различных районов страны были проанализированы в ЦК РКП(б) наряду с докладом ГПУ «О политическом состоянии казачьих регионов СССР». При этом следует отметить, что оценка ГПУ казачьих настроений была более жесткой и менее оптимистичной, нежели характеристики партийных органов с мест. Если партийные органы считали, что настроение казаков претерпело серьезные изменения и казачество стало ближе к советской власти, то в ГПУ делали менее позитивные выводы, рассматривая казаков как потенциальную угрозу советской власти [11, с. 129]. На основе всех собранных материалов на апрельском Пленуме ЦК РКП(б) 1925 г. была принята резолюция «По вопросу о казачестве», знаменовавшая либерализацию отношений власти и казачества. Резолюция содержала конкретные положения по привлечению казаков на сторону советской власти.

В числе факторов, которые однозначно должны были повлиять как на условия жизнедеятельности казачества, так и на эмоциональное восприятие власти, были установка на проведение землеустройства в казачьих областях, предоставление кредита, расширение круга лиц с избирательными правами, широкое вовлечение казаков в работу советов и пр. Делать все это предлагалось с учетом местных особенностей и традиций, не допуская игнорирования особенностей казачьего быта [10, с. 649].

Среди конкретных мер, которые стали проводиться в донских казачьих округах после апрельского Пленума ЦК РКП(б), были перевыборы в местные советы, результатом которых стало значительное увеличение количества казаков в местных органах власти. Казаков активно вовлекают в различного рода общественные организации, ВЛКСМ и даже в партию, привлекают к работе в местных ячейках РКП(б). Им разрешили носить традиционную одежду, что имело не только символическое значение, но и работало на сохранение идентичности, так же, как и служба казаков в территориально-милиционных частях.

Новая реальность потребовала от казачьего сообщества осмысления и реагирования. Это способствовало как выявлению наиболее актуальных запросов казаков, так и проявлению социальных конфликтов. Возраставшая на протяжении 1925–1926 гг. социально-политическая активность донского казачества раскрыла сложную

структуру внутри- и межгрупповых связей среди сельского населения казачьих районов. Резко обострился сословный антагонизм казаков и крестьян в совокупности с внутригрупповым единением казаков.

Определенные опасения со стороны партийно-советских органов в отношении политического поведения казаков периодически озвучивались в докладах губернско-го и краевого руководства. Так, например, в закрытом письме секретаря Царицынского губкома РКП(б) в ЦК РКП(б) политическое положение в казачьих округах по итогам обследования I квартала 1925 г. характеризуется как более плохое и даже угрожающее, чем в неказачьих районах губернии [17, л. 21, 23]. Однако открытые сведения информационных сводок по результатам обследования казачьих станиц Царицынской губернии, показывавшие ситуацию в динамике, позволяют констатировать отсутствие политических конфликтов и резкого политического антагонизма, антисоветских настроений и политического бандитизма в казачьих округах. В ноябре 1925 г. на XI Сталинградской губернской конференции констатировали, что решение апрельского Пленума ЦК в отношении того, чтобы приблизить казаков к советской власти, дало положительные результаты. Настроение казачества заметно улучшилось. Активность его и участие в советском строительстве все возрастает [15, л. 18].

Донское казачество откликнулось на действия властей по привлечению его к участию в работе советов высокой явкой на выборах и вхождением в состав советов. Уже на прошедших в марте 1925 г. перевыборах в советы представительство казаков в донских округах существенно выросло и составило от 32 до 37 %. Такое отношение донского казачества к советам свидетельствовало и о росте авторитета советской власти в казачьих станицах [12, с. 119; 9, с. 95].

По мнению Я.А. Перехова, «оказачивание» советов должно было выполнить еще одну важную задачу – ослабить сословное противостояние. Сословный конфликт, вспыхнувший на Дону в 1924–1926 гг. с новой силой, являл собой не только возобновление социального противостояния казаков и неказачьих, но и отражал изменение социального самочувствия казаков. Казачество постепенно выходило из того приниженого состояния, в котором оказалось после Гражданской войны. Память о былых социальных и экономических привилегиях способствовала тому, что казаки воспринимали изменение порядка управления в станицах и хуторах, экономического порядка (распространение на казаков налогообложения, попытки изменения порядка землепользования) как покушение на имманентно присущие им права. Декларированное на апрельском Пленуме ЦК РКП(б) сохранение казачьих традиций и изменение политики на местах воспринималась казаками как возможность отстаивания наиболее важных для них элементов и форм жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

Сословный конфликт на Дону острее всего проявлялся в тех сферах, где казаки, прежде являясь привилегированной группой, контролировали управленческие и хозяйственные ресурсы. Данный конфликт стал зримым выражением отношения казачества к изменившейся социально-политической ситуации. Он не только продемонстрировал сохранения сословного разделения в казачьих районах, значимость для казаков земельного и управленческого вопросов, но и то, что казачество восприняло политику «лицом к казачеству» как возможность хотя бы частично отвоевать свои позиции. В донских округах заговорили о лишении иногородних земли и выселении их, в станицах распространились «ура-казачьи» настроения [8, с. 62].

Земельный вопрос был для казаков наиболее болезненным. Земля являлась не только экономическим, но психологическим фактором, определявшим настроение и поведение казаков в различных хозяйственных ситуациях. Так, во время раздела сенокосных угодий во 2-м Донском округе вспыхнул конфликт, и казаки с криками: «вы, хохлы, не имеете права не только косить, но и ходить по нашей земле», прогнали из комиссии, производившей раздел, иногородних членов [4, л. 6]. В докладах

Сталинградского губисполкома о состоянии советской работы в казачьих округах говорилось о том, что в казачьих районах остро стоит вопрос землеустройства. В качестве одной из причин такой «остроты» назывались споры между казаками и иногородними, отказы казаков наделять землей иногороднее население [4, л. 7об.], возникновение острых конфликтов: «дело доходит до кулачных боев между казаками и иногородними» [16, л. 25]. В Хоперском округе Царицынской губернии за период с октября 1924 по октябрь 1925 г. было зафиксировано 130 выступлений казаков и конфликтов с иногородними по вопросам землеустройства [23, л. 68].

Земельный вопрос в казачьих округах Юга России и на Дону был прежде всего вопросом экономическим. Крестьянские хозяйства постепенно выходили из кризиса, чему способствовала и улучшившаяся конъюнктура рынка, повышение спроса и цен на зерно. Земля вновь становилась «главным мерилем благополучия казачьих и крестьянских семей». Одновременно происходило возрождение вражды из-за земли [9, с. 54]. Наиболее острые формы она обретала там, где земельные споры переплетались с сословной враждой.

Другой сферой острого проявления сословной вражды являлись перевыборы в советы. На протяжении 1925–1926 гг. в ходе перевыборов нередко были случаи отказа среди казаков и иногородних голосовать за кандидатов друг друга. Информационные сводки фиксировали стремление как казаков, так и иногородних проводить в советы только своих кандидатов, жалобы на противодействие казачьих и неказачьих избирателей друг другу, желание создавать отдельные казачьи (иногородние) избирательные участки: «Хохлы нам не дают разворота, если нам избирать совет всем сообща, то в совет не изберут ни одного казака» [5, л. 6]. Таким образом, сословная разнь и конфликты на этой почве между казаками и неказачьим населением сохраняли свою остроту на протяжении всего периода реализации в казачьих районах политики «лицом к казачеству».

В немалой степени этому способствовало сохранение сословного единства казаков. Классовый подход к казачеству к середине 1920-х гг. не дал ожидаемых результатов. Отделить середняков и даже бедняков от кулаков не удалось. Это со всей очевидностью проявилось во время перевыборов 1925–1926 гг., когда зажиточным казакам, а в ряде случаев даже реэмигрантам и бывшим представителям станичных и хуторских администраций, удавалось пройти в совет при поддержке казаков-избирателей. В партийно-советских документах этого периода нередко встречается информация о том, что зажиточные казаки и «культурная головка казачества... были спаяны и шли единым фронтом» и что «средняцкий слой казачества шел почти повсюду за зажиточными» [22, л. 252]. Как отмечает А.В. Баранов: «Казаки, особенно зажиточные, действовали расчетливо и сплоченно, создавая подпольные предвыборные группировки во главе с бывшими офицерами, интеллигентами, репатриантами. Оппозиция стремилась занять места в президиумах предвыборных собраний и счетных комиссиях...» [2, с. 58].

Таким образом, сословная вражда, как форма выражения определенных интересов у казаков и крестьянско-иногороднего населения, выявила общий настрой казачьей массы. Казаки готовы были участвовать в ключевых мероприятиях по переустройству хозяйственной и социально-политической сферы, но при соблюдении их группового интереса.

Во многих случаях основным фактором, воздействовавшим на настроения казаков, являлся фактор экономический. Состояние хозяйства, виды на урожай, засуха и другие неблагоприятные погодные условия или же, наоборот, благоприятные цены на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, возможность устроиться на работу или опасность ее потерять, налоги – все это составляло предмет каждодневной заботы казачьего населения и оказывало как непосредственное, так и опосредованное воздействие на социальные и политические настроения казаков. Так, инфор-

мационные сводки из станицы Арженовской Хоперского округа Царицынской губернии за 1924–1925 г. фиксировали следующую ситуацию. Плохой урожай зерновых 1924 г. в этом районе, а также недостаток фуража вследствие засухи отразились на состоянии хозяйства казаков. В итоге в сводках отмечалось: «Настроение граждан... в связи с полнейшим недородом неудовлетворительное... Население как к партии, вернее местной ячейке РКП(б), так и к исполкому относится недоверчиво...» [21, л. 53]. В отчете Хоперского окружного комитета РКП(б), подготовленного по итогам хозяйственного развития округа в 1924 г., говорилось следующее: «Решающее значение в политическом состоянии округа имеет настроение крестьянства и казачества. Регулятором настроения населения вообще надо считать экономическое положение его, которое в нашем округе в связи с недородом резко изменилось в сторону ухудшения» [23, л. 2об.]. Однако изменение ситуации с урожаем зерна в 1925 г. изменило и настроения населения, и их отношение к власти. В материалах сводок говорилось, что настроение крестьянства улучшилось в связи с тем, что «состояние хлебов удовлетворительное» [23, л. 63].

Большое влияние на настроение сельского населения оказывало налогообложение. Так, на Северо-Кавказском краевом съезде советов в феврале 1925 г., который стал прологом к разворачиванию политики «лицом к казачеству» в Северо-Кавказском крае, были озвучены в качестве мер примирения постановление ВЦИК об амнистии, в котором в том числе говорилось о снятии с сельского населения недоимок по сельскохозяйственному налогу за 1922–1923 и 1923–1924 гг. [9, с. 89]. На местах окружные партийные органы, составившие регулярные отчеты о настроениях казаков, отмечали, что как только объявили размер Единого сельскохозяйственного налога (ЕСХН) за 1925–1926 гг., то «настроение населения много улучшилось в сторону советской власти» [23, с. 69об.]. Такое улучшение было вызвано существенным снижением ЕСХН в 1924–1925 гг. и сохранением его на этом уровне в 1925–1926 гг. В Хоперском округе ЕСХН в 1924–1925 гг. составил 11 руб. для среднего хозяйства, а в 1925–1926 г. – 18 руб. [23, л. 69об.]. По сравнению с 1923–1924 гг. (110 руб.), это было существенное снижение налога, что не могло не отразиться на настроении крестьянско-казачьего населения.

Итак, на протяжении 1924–1926 гг., т.е. периода реализации политики «лицом к казачеству», партийно-советские органы регулярно собирали информацию, отражавшую социально-политическое настроение казачества, фиксировали характер этих настроений, отслеживали позитивные и негативные тенденции в этой области. Власть интересовал в первую очередь политический настрой казаков, к появлениям которого нередко относили и сословные конфликты в казачьих районах. Для партийно-советского руководства усиление или ослабление таких конфликтов служило показателем, в том числе, успешности их политики расслоения казачества и его десловизации. Немалое внимание уделялось и экономическим моментам в настроении казачества, которые, как показано нами, также служили индикатором позитивного либо негативного настроения казачества.

Донское казачество в период реализации политических и экономических установок власти в 1924–1926 гг. продемонстрировало готовность к диалогу с властью. Однако казачество продолжало защищать в первую очередь свои интересы, о чем говорят преследуемые казаками интересы на выборах в советы, активизировавшийся интерес к партийным структурам и советским общественным организациям. Вовлечение казаков в процессы советского строительства для них самих становился формой адаптации к новым условиям жизнедеятельности.

Список литературы

1. Баранов А. В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях Новой экономической политики (1921–1929 гг.) / А. В. Баранов. – Санкт-Петербург : Нестор, 1996. – 356 с.
2. Баранов А. В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» НЭПа 1924–1926 гг. на Юге России / А. В. Баранов // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 3 (75). – С. 55–62.
3. Бугай Н. Ф. Казачество России: Отторжение, признание, возрождение (1917–1990 годы) / Н. Ф. Бугай – Москва : Можайск-Терра, 2000. – 96 с.
4. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 37, оп. 1. – Д. 834.
5. ГАВО. – Ф. 37, оп. 1. – Д. 874.
6. Кислицын С. А. Указ и шашка: политическая власть и донские казаки в первой половине XX века / С. А. Кислицын – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : ЛЕНАНД, 2015. – 360 с.
7. Кудюкина М. М. Крестьянство и власть в 1920-е годы / М. М. Кудюкина – Режим доступа: <https://www.civisbook.ru/files/File/Kudyukina.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана.
8. Панкова-Козочкина Т. В. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи НЭП: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России / Т. В. Панкова-Козочкина, В. А. Бондарев. – Новочеркасск : Лик, 2012. – 266 с.
9. Перехов Я. А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.) / Я. А. Перехов. – Ростов н/Д : Гефест, 1997. – 140 с.
10. О казачестве : Резолюция пленума ЦК РКП(б). 23–30 апреля 1925 г. // Всесоюзная компартия большевиков: в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Москва, 1940. – Ч. 1. – С. 649–650.
11. Российское казачество / отв. ред. Т. В. Таболина. – Москва, 2003 – 880 с.
12. Скорик А. П. Донцы в 1920-х годах: очерки истории / А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян. – Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – 244 с.
13. Тощенко Ж. Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. – 1998. – № 1. – С. 21–35.
14. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). – Ф. 1, оп. 1. – Д. 112а.
15. ЦДНИВО. – Ф. 1, оп. 1. – Д. 123.
16. ЦДНИВО. – Ф. 1, оп. 1. – Д. 125.
17. ЦДНИВО. – Ф. 1, оп. 1. – Д. 130.
18. ЦДНИВО. – Ф. 1, оп. 1. – Д. 201.
19. ЦДНИВО. – Ф. 1, оп. 1. – Д. 202.
20. ЦДНИВО. – Ф. 1, оп. 1. – Д. 220.
21. ЦДНИВО. – Ф. 9, оп. 1. – Д. 332.
22. ЦДНИВО. – Ф. 9, оп. 1. – Д. 7.
23. ЦДНИВО. – Ф. 9, оп. 1. – Д. 8.
24. ЦДНИРО. – Ф. 7, оп. 1. – Д. 43.

References

1. Baranov A. V. *Sotsialnoe i politicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza v usloviyakh Novoy ekonomicheskoy politiki (1921–1929 gg.)* [Social and political development of the North Caucasus in the conditions of the New economic policy (1921-1929)]. St. Petersburg, Nestor Publ., 1996, 356 p.
2. Baranov A. V. *Tendentsii grazhdanskogo primireniya v politicheskikh reformakh "ras-shireniya" NEPa 1924–1926 gg. na Yuge Rossii* [Tendencies of civil reconciliation in political reforms of "expansion" of the New Economic Policy of 1924-1926 in the south of Russia]. *Nauchnaya mysl Kavkaza* [Nauchny thought of the Caucasus], 2013, no. 3 (75), pp. 55–62.
3. Bugay N. F. *Kazachestvo Rossii: ottorzhenie, priznanie, vrozozhdenie (1917–1990 gody)* [Cossacks of Russia: Rejection, recognition, revival (1917–1990)]. Moscow, Mozhaisk Terra Publ., 2000, 96 p.
4. *State Archives of the Volgograd Region*, Found 37, inventory 1, case 834.
5. *State Archives of the Volgograd Region*, Found 37, inventory 1, case 874.
6. Kislitsyn S. A. *Ukaz i shashka: politicheskaya vlast i donskie kazaki v pervoy polovine XX veka* [Decree and checker: The political power and the Don Cossacks in the first half of the 20th century]. Moscow, LENAND Publ., 2015, 360 p.

7. Kudyukina M. M. *Krestyanstvo i vlast v 1920-e gody* [The peasantry and the power in the 1920th years]. Available at: <https://www.civisbook.ru/files/File/Kudyukina.pdf>.
8. Pankova-Kozochkina T. V., Bondarev V. A. *Kazache-krestyanskoe khozyaystvo epokhi NEP: problem modernizatsii agrarnykh otnosheniy na Yuge Rossii* [Cossack-country economy of an era New Economic Policy: problems of modernization of the agrarian relations in the south of Russia]. Novocherkassk, Lik Publ., 2012, 266 p.
9. Perehov Ya. A. *Vlast i kazachestvo: poisk soglasiya (1920–1926 gg.)* [Power and Cossacks: search of consent (1920-1926)]. Rostov-on-Don, Gefest Publ., 1997, 140 p.
10. Rezolyutsiya plenuma TsK RKP(b) “O kazachestve”. 23–30 aprelya 1925 g. [The resolution of a plenum of the Central Committee of RCP(b) "About the Cossacks". April 23–30, 1925]. *Vsesoyuznaya kompartiya bolshevikov: v rezolyutsiyakh i resheniyakh sezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [All-Union Communist Party of Bolsheviks: in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Moscow, 1940, part 1, pp. 649–650.
11. Rossiyskoe kazachestvo [Russian Cossacks]. Ed. by T. V. Tabolina. Moscow, 2003, 880 p.
12. Skorik A. P., Tikidzhyan R. G. *Dontsy v 1920-kh godakh: ocherki istorii* [Dontsa in the 1920th years: history sketches]. Rostov-on-Don, North-Caucasian Research Center of Higher School of Southern Federal University Publ., 2010, 244 p.
13. Toshchenko Zh. T. *Sotsialnoe nastroyenie – fenomen sovremennoy sotsiologicheskoy teorii i praktiki* [Social mood – a phenomenon of the modern sociological theory and practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 1998, no. 1, pp. 21–35.
14. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 1, inventory 1, case 112a.
15. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 1, inventory 1, case 125.
16. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 1, inventory 1, case 123.
17. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 1, inventory 1, case 130.
18. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 1, inventory 1, case 201.
19. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 1, inventory 1, case 202.
20. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 1, inventory 1, case 220.
21. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 9, inventory 1, case 332.
22. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 9, inventory 1, case 7.
23. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 9, inventory 1, case 8.
24. *Center for Documentation of the Newest History of the Volgograd Region*, Found 7, inventory 1, case 43.